

63.3 (2Р36-4кур)

П.55 +

700000

Издательство «Курган»
г. Курган, ул. Мухоморова, 10

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ
УВАЖАЕМЫЕ

ПОМНИ ВОЙНУ

Том IV

ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ

1.249.930

Курганская область **Курган**
Библиотека **2004**
им. А. И. Югова
Книгохранилище

002K

К03(07)

Посвящается 60-летию Победы
в Великой Отечественной войне

ПОМНИ ВОЙНУ
Том IV
Детство, опаленное войной

Книга издана по инициативе Губернатора
Курганской области О.А. Богомолова

Составители: А.И. Букреев, В.А. Есетов

Администрация Курганской области, составители выражают искреннюю признательность воспитанникам и воспитателям детских домов, журналистам, краеведам, работникам архивов – всем, кто проявил заинтересованное участие в подготовке к изданию этой книги.

Сборник отражает героические и трагические страницы истории области, показывает лучшие качества зауральцев: мужество, трудолюбие, милосердие, сострадание, готовность прийти на помощь в трудную минуту. Книга рассчитана на все категории читателей и может быть использована при изучении истории родного края в учебных заведениях области.

ISBN 5-86047-181-5

ФОТОГРАФИЯ ИЗ ВОЙНЫ

На стене крохотной комнаты, оклеенной обоями с детским рисунком, висит фотография, точнее, портрет со старой фотографии. Такие портреты делали в послевоенное время заезжие фотографы.

Фотографию отца, сына, хранимую в семье как реликвию, доставали, осторожно разворачивали из чистой тряпицы и, с боязнью потерять ее насовсем, протягивали фотографу. Тот же, недолго мудрствуя после увеличения ее, раскрашивал одежду на свой вкус, рисовал галстук. Женские лица в обязательном порядке выходили с ярко накрашенными губами. В таком портрете потом родственники и пытались разузнать близкого им человека.

Он же, сегодняшней семидесятилетний, говорит, что узнал свою мать на фотографии сразу. А получил он этот старенький и единственный снимок своей матери через 25 лет после того, когда еще пятилетним ребенком последний раз видел свою маму Люсю.

Сколько ему тогда было лет – не знает, но помнит, что народу из поезда на станции вышло много. Он на своих ногах, а двоих младших – сестру и брата – нес на руках. Помнит узел с пожитками, за который он крепко держался, чтобы не отстать.

Подошел грузовик. Ехали молча – у каждого было свое горе.

Эвакуированных разбирали по квартирам сердобольные хозяйки. Совсем немного они пожили в деревне с матерью. Мама Люся болела, и им пришлось перебраться в детский дом, который находился за три километра от их деревни. Был это Варгашинский детский дом, и жили в нем такие же увезенные от войны дети.

Как-то раз добрая баба Галя, она же и повар, и воспитательница, забрала всех троих и увела в больницу к матери. Два дня прожили в прачечной. Спали на полу, на матрасе, но зато рядом с мамой.

- Ничего, родные мои, скоро я выздоровлю, и тогда все будет хорошо, - успокаивала она их.

Вот тогда-то и видел он в последний раз свою маму Люсю. Умерла она в той же Варгашинской больнице. Им, ее детям, сказали об этом, когда уже похоронили.

Вскоре их «семью» почему-то разделили. Сестренку Свету увезли в какой-то другой детский дом. Куда и почему это сделали - никто не объяснял.

Главным для них тогда было выжить, не умереть от болезней и голода. Помнит, как ходили за хлебом для своего «дома» в пекарню, которая находилась на железнодорожной станции. Наволочку от подушки держали за углы, вдвоем одну. Очередь, которая всегда там была, молча отодвигалась от окна выдачи.

С приходом весны продуктовый паек увеличивался значительно. Первое, что шло в пищу, был полевой лук. Поскотина, где он рос, была большой, но после детдомовских там делать было нечего. Выбирали все. Помнит, с каким азартом искали в лесу пучки, потом щавель, даже какие-то цветочки, почему-то называли их «кукушкины слезки». От них во рту приятно сластило. А уж когда начинались ягоды – было полное довольствие.

Жили. Учились в школе. Ждали конца войны. Ждали тех, кто обязательно за ними приедет и заберет домой, в тот настоящий, свой родной дом.

Кого ждал он – не знал. Наверное, как и все мальчишки, ждал отца и обязательно героя.

Из всей большой сиротской семьи привалило счастье одному – Тольке. Его отец был в военной форме, с погонями. На погонах звезды. По детскому соображению казалось, что он и есть самый, самый главный. Сначала была радость от конфет, которые тот привез

всем ребятишкам, а потом «потайные» слезы оттого, что это был чужой отец.

В железнодорожное училище, куда его водили, он не поступил. Оказалось слабым зрение. Повезли в Шмаковское училище. Проучился год. Вышел с удостоверением тракториста-машиниста широкого профиля. О брате Леньке к тому времени ничего не знал. Его, как и сестру, почему-то увезли в другой детдом.

Выпускников училища отправили в Сафакулевский район. Выгрузились в селе Надеждинке у конторы.

Башкирская семья Тухватуллиных, которая и забрала его тогда к себе, стала ему родной. Первый раз он жил не в детском доме, а в своей семье.

Башкирские дети Геняйт и Назира стали братом и сестрой мальчишке с украинской фамилией Кравчук. Местный милиционер помог найти брата. А когда Евгений Кравчук женился и решил уехать в город, провожала его семья, как родного сына.

Потом пошла самостоятельная жизнь, своя семья. Только вот не может он ничего рассказать своим детям и внукам об их родословной. Свидетельство о рождении выписали ему в Варгашах. Стал он Ивановичем, сестра Светлана почему-то Сергеевной. Да и в точности возраста своего он сильно сомневается.

И уже много лет спустя, здесь, в Кургане, нашли его родственники медсестры, работавшей в те далекие военные годы в Варгашинской больнице. На ее руках умерла мама Люся.

Все эти годы чужая женщина хранила единственный снимок с родным ему лицом матери.

Отдай она эту фотографию тогда шестилетнему ребенку – скорее всего, затерялась бы. Вот так и получилось, что история его рода, его корни - все это в одном-единственном снимке на стене его квартиры.

Зоя Верхотурова